

A vertical, high-angle view of a futuristic city street at night. The street is lined with tall, dark skyscrapers, many of which have windows glowing with warm yellow light. The street itself is filled with traffic, with lights from cars and streetlights creating a vibrant orange and red glow. A large, glowing blue digital display is visible on the right side of the street, showing a complex network or map. The overall atmosphere is one of a bustling, advanced urban environment.

Максим Бондарук

Протокол-47

Максим Бондарук

Протокол-47

«Автор»

2026

Бондарук М.

Протокол-47 / М. Бондарук — «Автор», 2026

2055 год. Россия. Технология «Событийный ряд» позволяет коллективному сознанию операторов формировать реальность. Инженер АО «ЗАСЛОН» Кирилл Ершов готовит капсулу для ключевого политика, от которого зависит бюджет страны. Внезапно он обнаруживает скрытый канал передачи данных — «Протокол-47». Кто-то копирует намерения оператора, чтобы управлять им после сессии. У Ершова есть выбор: молчать и стать частью системы или вмешаться. Но у любой правки есть цена. И иногда она выше, чем кажется.

© Бондарук М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Нулевой цикл	7
Глава 2. Зашумление	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Максим Бондарук

Протокол-47

Протокол-47. Бондарук Максим

Пролог

— Год две тысячи пятьдесят пятый, Собор-Синхронизатор. До программной сессии — три часа.

Голос в наушнике сухой, как пыль на пульте. Тамара Юрьевна. Она всегда так начинает: с даты, с места, с обратного отсчёта. Ритуал. Молитва технарей перед погружением.

— Инженер Ершов, займи позицию номер четыре. Проверка квантовых процессоров, калибровка шкалы мю, мониторинг артефактов. Подтверди готовность.

Кирилл молчит три удара пульса. Поправляет диадему на лбу — графеновые нити холодят кожу, металлический привкус во рту, кажется, от недосыпа. В динамиках фоновый свист системы охлаждения. «Ковчеги-М» на нижнем уровне уже загудели, гоняют жидкий азот по контурам. Воздух пахнет озоном и несвежим страхом, оседающим на клавишах, как пыль.

— Принято, — говорит он. — Приступаю.

Пальцы находят знакомые кнопки. Экран заливается зеленоватым светом — двадцать четыре спектральных канала выстраиваются в шеренгу. Нулевая активность. Пока.

Где-то над головой, в тысяче капсул, ещё пусто. Но через три часа сюда войдут операторы. Сядут в саркофаги из чёрного пластика. Закроют глаза. И начнут формировать реальность заново.

А Кирилл будет смотреть на шкалу мю и слушать свист азота. И снова, как всегда, услышит в этом свисте то, чего там быть не может.

Он выключает звук. На всякий случай.

Глава 1. Нулевой цикл

Пропуск прижался к сканеру, и турникет щёлкнул, пропуская. Шеврон на рукаве охранника — «Синхронизатор», но форма всё та же, старых ещё образцов, с нашивками, которые помнили двадцатые. Мужчина кивнул, даже не взглянув в лицо. Здесь не смотрят в лица. Здесь смотрят в пропуска.

Кирилл сунул пластик в карман униформы — серой, с логотипом ЗАСЛОНа на левом клапане. Потёр переносицу. Глаза ещё не привыкли к полумраку фойе после утреннего света — там, снаружи, Москва уже отбросила короткие тени, хотя часы показывали только восемь. В висках тупо стучало после вчерашней смены: перебирал стойку в серверной, так и не выспался.

Фойе Собора встречало тишиной.

Пространство уходило вверх и терялось где-то в полумраке под крышей. Жидкие экраны на стенах струились абстрактными огнями — дежурная группа операторов ещё работала, и их нейроритмы превращались в текущие пятна: зелёные, синие, редкие красные всполохи. Амфитеатр капсул, тысяча посадочных мест, сейчас пустовал. Чёрные саркофаги «Ковчегов» стояли рядами — похоже на могильные плиты в ожидании тел, думал он каждый раз и одёргивал себя: техника, не кладбище.

Он прошёл мимо центральной площадки, где когда-то был ГУМ. Снесли в сорок третьем. Говорили, что старые торговые ряды мешали резонансной развёртке. Кирилл тогда ещё студентом был, не разбирался. А сейчас ступал по радиопоглощающим матам, и шаги гасли, не рождая эха.

Плазменная панель над входом в служебную зону транслировала курс доллара.

Цифры застыли больше года назад. Кто-то сказал, что это — артефакт, глюк системы. Кто-то — что доллар больше не торгуется, просто панель забыли отключить. Кирилл не знал. Но каждый раз, проходя мимо, ловил себя на том, что проверяет их взглядом. Привычка. С тех самых пор, когда курс менялся каждый час и от этого зависела гречка с котлетой. Сейчас глянул — и машинально прикинул, почём была гречка в двадцать втором. Смешно.

— Ершов, ты на позиции? — голос в наушнике вернул его к делу.

— Иду.

Он нырнул в служебный коридор. Здесь свет был жёлтым, больничным. Стены — голый бетон, кое-где закрытый пластиковыми панелями с маркировкой кабельных трасс. Воздух — спёртый, с привкусом озона и горячего металла. Где-то за стеной гудели вентиляторы серверной, низко, натруженно.

Коридор тянулся, сворачивал, распадался на ответвления. На стенах — портреты. Генеральные конструкторы ЗАСЛОНа: от седобородых мужчин в очках с толстыми линзами (ещё с двадцатых) до молодцеватого гендира в строгом пиджаке — без имени, просто «Генеральный конструктор». Кирилл замедлил шаг у одного из портретов. Женщина в лабораторном халате, короткая стрижка, улыбается в объектив. Не она. Просто похожа. Та же линия скул. В груди — как контакты замкнуло, и снова разомкнулось.

Он отвернулся и пошёл быстрее.

— Чистая зона, уровень минус три, — сказал он вслух, и замок щёлкнул, впуская.

Здесь, под амфитеатром Собора, располагалось сердце ЗАСЛОНа — залы калибровки, серверные, ремонтные боксы.

Зал калибровки встретил его привычным холодом. Три пульта вдоль стены, над ними — мониторы, выстроенные полукругом. В центре — ложемент «Ковчега-М», раскрытый, как раковина. Внутри — пустота и запах аэрозоля, сладковатый и резкий. Кирилл сел в кресло, провёл пальцами по клавиатуре — старой, механической, с ходом клавиш, который помнил

ещё его отец. Такие уже не выпускали, но он отказывался менять: только на этой клавише чувствовался правильный клик.

— Запускаю прогон, — сказал он Тамаре Юрьевне.

— Давай.

Мониторы засветились. Двадцать четыре спектральных канала выстроились в шеренгу. Дельта, тета, альфа, бета, гамма — каждая со своими поддиапазонами, каждая с графиком, похожим на кардиограмму заснувшего города.

Шкала мю у нижнего края экрана — зелёный полукруг, разбитый на сегменты. Сейчас показывала ноль. Спокойствие.

Кирилл щёлкнул тумблером, и «Ковчег» издал звук — низкий, тягучий свист. Система охлаждения погнала жидкий азот по контурам. Пластик капсулы покрылся тонкой изморозью. Аэрозольный генератор зашипел, наполняя ложемент туманом.

— Датчики в норме, — сказал Кирилл, вглядываясь в показатели. — Температура минус сто девяносто два. Давление в норме. Квантовые процессоры — зелёные.

— Оператор подтянется через час, — ответила Тамара Юрьевна. — У него мигрень. Жаловался.

— Он всегда жалуется.

— Вот и присмотри за спектром.

Связь прервалась.

Кирилл откинулся на спинку кресла. Шея заныла — позвонки хрустнули, когда покрутил головой. Свист азота наполнил зал. Он слушал его, и в звуке, на самой грани слышимости, мерещился второй слой — что-то похожее на голос.

Высокий. Женский.

Он зажмурился.

Память выстрелила коротким замыканием. Тридцать пятый год. Москва, Тверская. Голографический экран на всю стену дома. Студенческая толстовка, замёрзшие пальцы, вдохновение. «Первая успешная коллективная сессия!» — голос диктора захлёбывался восторгом. А он, Кирилл, тогда ещё просто Кир, стоял и смотрел, как тысячи операторов синхронизируют сознание, и думал: «Теперь мы всё сможем». На душе было — как правильно собранная схема: звенит, искрит, но работает.

Открыл глаза.

Свист не изменился. Голоса не было. Конечно.

Он проверил каналы. Всё чисто. Зелёные линии тянулись ровно, без всплесков.

— Нулевой цикл завершён, — сказал он в пустоту. — Ждём оператора.

Мониторы мерцали. Шкала мю замерла на нуле. А где-то наверху, в фойе Собора, плазменная панель всё так же показывала курс доллара, который никто не менял уже больше года.

Кирилл достал из кармана термос. Открутил крышку, сделал глоток. Чай остыл и горчи. Поморщился, отставил. Машинально провёл пальцем по краю термоса, стирая невидимую каплю.

Где-то за стеной, в серверной, вентиляторы взвыли громче — словно почуяли что-то. Кирилл придвинулся к пульту. Пальцы сами легли на клавиши.

Завёл таймер. И стал ждать.

Глава 2. Зашумление

Оператор вошёл в зал калибровки за сорок минут до старта. Кирилл слышал его раньше, чем увидел — тяжёлые шаги, сбитое дыхание, шелест защитного костюма. Алексей Стрельников был невысок, плотен, с лицом, которое много лет назад, наверное, казалось волевым, а сейчас просто уставшим. Тёмные круги под глазами. Пальцы, сжимающие край капсулы, побелели.

— Доброе утро, — сказал Кирилл, не оборачиваясь.

— Какое утро, — ответил Стрельников голосом, простуженным бессонницей. — Начи-
най.

Он стянул костюм, остался в тонкой термобелье. Кирилл подал графеновую диадему — сетку из чёрных нитей, холодных и скользких. Стрельников надел её сам, привычным движением, но пальцы дрожали.

— Мигрень? — спросил Кирилл.

— Живу с ней.

— Снизим мощность на двенадцать процентов, если будет тяжело.

— Не надо. Бюджет не терпит снижений.

Стрельников забрался в капсулу. Ложемент прогнулся под его весом. Аэрозольный генератор зашипел, наполняя пространство туманом. Кирилл проверил датчики: температура тела — 37,2, пульс — 102, давление — 150 на 90. Маловато для гипертоника, но для оператора на грани.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.